

Чувство знакомое почти каждому взрослому человеку: чем старше становишься, тем сильнее безотчетная внутренняя потребность рассказать о предках – и самому узнать о них как можно больше, словно отдавая какой-то долг, пока еще есть время. Возможно, это стремление восходит к родовым понятиям, инстинкту выживания благодаря опыту старших поколений. Александр Кердан предпосылает каждой и трех частей своего «Романа с фамилией» воспоминания, что перенял от родителей и дедов в его большой семье. Но многое представляется утраченным, автор пока не отыскал, в каком казачьем офицерском чине служил двоюродный дед Антон Яковлевич. Кердан, так же, как Шолохов в своей эпопее, ничего не придумал: «В Гражданскую воевал дядька Антон сначала за белых, а в конце 18-го прямо на поле боя... встретился он с моим дедом, который и переманил его со всем эскадронном к чапаевцам... Гражданскую войну закончил Антон Яковлевич уже красным командиром». Будучи уже в возрасте, сиживал у дома в царских наградах – «Не посодют...». Крёстная

матери, Христина, осенью 1942 года получила похоронки на двух сыновей, Константина и Василия. «Один из них был летчиком, другой – танкистом, а погибли в один день».

Среди представителей большой семьи – царский ефрейтор из конной разведки, что героически воевал в первую мировую, фронтовик-полковник, преподаватель военно-политической академии. И те, что были объявлены кулаками, сосланы. «Мастерицей сочинять частушки, сдобренные крепким словом, была старшая мамаина сестра Анна Ивановна Кердан, в замужестве – Шишменцева... Она родилась в год начала Первой мировой войны. Едва подросла, стала нянькой для рождающихся друг за другом братьев и сестёр и главной помощницей по хозяйству. А хозяйство у вышедшего из батраков моего деда Ивана Яковлевича, вплоть до коллективизации, было немалым. В справке из Челябинского государственного архива значится, что до семнадцатого года он имел семьдесят пять десятин посева, семьдесят голов лошадей и крупного рогатого скота и пятьдесят овец. К двадцать девятому осталось у него шестнадцать десятин, лошадь, корова и два десятка овец. Но ведь и за ними надо ходить, и эти десятины, каждая – больше гектара, надо обрабатывать: пахать, бороновать, сеять, жать, снова пахать... Тетя Нюра всю свою жизнь работы не боялась. В тридцатом году, воспользовавшись тем, что дед Иван был в отъезде, бабушку с детьми записал в «кулаки» председатель сельсовета по фамилии Каракуца. Он давно точил на моего деда зуб: дед как-то уличил его в махинациях с колхозными деньгами, да еще и освистал на сельском сходе. Уполномоченные во главе с Каракуцей явились на хутор в полночь, в канун 23 февраля. Реквизировали всю домашнюю утварь, увели скотину. Дом заколотили досками, а бабушку с детьми переселили в стылую малуху. В этой малухе они прожили несколько дней. Перед самой отправкой по этапу еще и забрали все теплые вещи. Хотели отнять и Нюрину любимую балалайку. Она не испугалась взрослых мужиков с наганами, вырвала ее из рук: – Не будете вы на моей балалайке играть! – и хрясть о колено, только струны жалобно тренькнули».

Детские воспоминания о неунявающей родне, бабушке, поющей за домашней работой городские народные песни – не редкость, в них черпаешь не до конца осознанные, но мощные силы в моменты отчаяния. Однако Александр Кердан нашел точную и достойную форму для их фиксации в литературе. Воспоминания простираются и за пределы семьи. Мать автора, дочь сосланного «спецпоселенца», заболела туберкулезом, комендант поселка отказался отпустить ее на лечение, и она написала Ольге Осиповне островской, матери советского писателя. Та откликнулась, стала хлопотать – дело было в 1937 году. Поддерживала морально и деньгами, учебниками для маленького Александра. Он до сих пор хранит скромные дары: альбом для рисования, шкатулку и пяльцы для рукоделия. Люди, имевшие высокое общественное положение, и в самые лютые годы считали своим долгом лично помогать нуждающимся, обращаться в инстанции, это до 1990-х годов оставалось в нашей культуре от царских времен. Такие приметы не сохранит ни одна историческая школа, они, собственно, и есть время, как таковое.

Можно было бы вполне справедливо счесть свой долг предкам оплаченным. Но Александр Кердан идет дальше. Основываясь на художественном вымысле, автор оживляет сво-

их весьма вероятных предков в глубоких пластах истории, начиная с римской античности. Авторы-персонажи концептуалистского романа обычно прячутся за своими масками от каких-либо невыносимых для них условий бытия. Александр Кердан, напротив, обнаруживает сострадание, стремление к благородству и гуманизму в, казалось бы, самых мрачных временах. Ведя рассказ от первого лица своих героев, писатель использует исторические события, как артефакты, наполняет контекст сухих хроник теплом настоящей жизни.

Вторая часть повествования отнесена ко временам Первого Крестового похода. «Наконец, отыскался целый графский род из окрестностей Барселоны, среди отпрысков которого были и испанские маршалы, и епископы, и даже королевские бастарды...». Графство Сердань (Кердан) – историческая область, сейчас разделенная между испанской Каталонией и Францией. Сеньоры Сердани были влиятельными землевладельцами. Джиллермо – в российской историографии, по-каталонски – Гийлем Рамон I, граф Сердани, историческая фигура. От его лица и ведется рассказ.

Знаменитая речь папы Урбана II на Клермонском соборе 1095 была переведена с комментариев у нас сравнительно недавно. Она была обращена к клирикам, которые разнесли обращение папы почти по всей Европе. Речь была воспринята с воодушевлением, но по-разному, на соборе, по-видимому, присутствовали четыре хрониста, все они выделяют разные призывы папы. Однако известно, что по пути в Святую Землю крестоносцы I похода прошли через Рим, откуда изгнали антипапу, некоего Гиберта, назвавшегося Климентом III, и вручили церковную власть Урбану II.

Автор, по-видимому, знаком с хрониками «Деяния франков и прочих иерусалимцев» Анонима, который, вероятно, был незнатным рыцарем, «История франков, завоевавших Иерусалим» провансальского рыцаря Понтя Баласунского, погибшего при Арке, и завершившего этот труд каноника Раймунда, капеллана своего тезки, графа Раймунда Тулузского, одного из руководителей похода. Граф Раймунд – один из героев Александр Кердан. История юноши-графа, воспитанного в аббатстве и там же обученного владению оружием – многие прелаты Средневековья были воинами – полна приключений, сражений и политических интриг. На этом фоне юный Джиллермо обнаруживает любознательность и стойкость, разборчивость в свойственных времени предрассудках, и столь же свойственную Средневековью галантность. Читается, как и другие части, увлекательно и современно, как текст в тексте. Но заход в историю не является инструментом деконструкции романного жанра, преодоления застоя Фукуямовского постисторического общества, хотя эти мотивы, при желании, в подобном тексте усмотреть возможно. Путешествие-приключение Джиллермо, его гибель на штурмовой лестнице у стен Иерусалима – история формирования личности, напоминающая, скорее, respectable, лишенный радикальности постмодернизм Умберто Эко в его «Имени розы». Для отечественной литературы эта форма свежая, отчетливо современная: схожие мотивы, как представляется, двигали Андреем Рубановым в его обширном трехчастном романе «Финст – Ясный сокол» на основе русских народных волшебных сказок.

Первая часть написана от имени Кердана, сына парфянского фратарака, попавшего в рабство к римлянам – «Вероятно, в основе редкой и древней фамилии лежит имя далекого прародителя... являвшегося предводителем своего племени... Имя это – Кер или Гер – из поколения в поколение хранилось, оберегалось». Образованный молодой человек и умелый воин, он вскоре стал воспитателем детей Октавиана Августа. Эта часть полна любопытных характеристик Рима, живых зарисовок, таких, как описание Лавернских ворот в Сервиевой стене – автор говорит, что богиня Лаверна была покровительницей воров и обманщиков, но, скорее, она покровительствовала прибыли вообще.

Третья – отнесена в период позднего Средневековья, начала Нового времени. «Мой друг, поэт и антрополог Салим Фатыхов из Челябинска, нашел в одной летописи упоминание о некоем аланском князе Кердане, который во времена оны пришел на Хортицу со своими воинами и стал одним из основателей Запорожской сечи...». Есть и другое основание для рассказа о Богдане Хмельницком и его войне с поляками, метаниях в поисках союзников и, наконец, вхождения в состав Московского царства: «Дядя Петя – Петр Иванович Кердан, фронтовик, партийный работник, по причине кулацкого происхождения низведенный до должности школьного директора, похоронен в украинском Днепрпетровске». Автор упоминает ложное название города – Днепр, но оно, как и прочие географические замыслы современной украинской власти, выкопавшей Черное море, оснований под собой не имеет, и всерьез воспринято быть не может, тем более, в подобном контексте. Здесь речь идет от имени молодого писаря гетманской канцелярии, самим своим происхождением олицетворяющего неразрывные связи внутри единого народа: «Я – казачий сын Николай. Мать моя Мария – дочь стрельца Трифонова, урождённая курянка, кличет меня Кольшей, а батька – сотник войска Запорожского Остап Кердан, зовет на свой лад Мыколой. Нарекли меня в честь Николая Мирликийского – Святого угодника Божия и заступника православных христиан во всем белом свете».

Эта форма и её содержание – уже не просто следование долгу писателя, надежная архивация судеб старших поколений, не только приношение предкам. Это актуализация, утверждение несомненности будущего посредством мощного прошлого, своего рода волшебство, противостояние силам разрушения.